БЕСПРИЮТНОСТИ

Лет двадцать назад мы начали собирать материалы о писателе-земляке А. С. Грине. Тогда еще были живы его сестры А. С. Лапина (Варшава), Е. С. Маловечкина (Оренбург) и А. С. Подвысоцкая (Тирасполь). Они поделились воспоминаниями. Откликнулись литературоведы М. С. Альтман (Ленинград), Ю. М. Курочкин (Свердловск), В. В. Смиренский (Волгодонск), И. М. Сукиасова (Тбилиси) и другие. Знавшие Грина писатели Л. И. Борисов, А. Г. Лебедев, В. Г. Лидин, С. Н. Марков, В. А. Рождественский и М. А. Сергеев в беседах и письмах сообщили важные подробности. На первой выставке, еще до открытия литературного музея в 1968 году, были показаны редкие издания произведений Грина, вырезки, портреты, снимки памятных мест.

Сейчас уже накоплено немало нового, но предстоит еще многое сделать для экспозиций создаваемого в Кирове Дома-музея Грина на ул. Володарского, 44.

Поиски продолжаются. Творческий путь Грина привлекает внимание многих исследователей. Особый интерес представляет все, что дополняет и уточняет его «Автобиографическую повесть». В ней он рассказывал о своих детских и юношеских годах, предполагал продолжать и расширять повествование. Об этом говорят сохранившиеся в архивах малоизвестные автографы-наброски. В некоторых идет речь о петербургском периоде жизни, о годах нужды и бесприютности.

В одном из отрывков («Репетиция») Грин писал: «Мои глаза лезли на лоб, когда я, выхваченный из тьмы белым огнем витрины, остановился перед иллюстрированным раем, потирая озябший нос и проносясь впечатлениями, которые все же стоят чего-нибудь для человека, умеющего смотреть на мир. Из этих моих слов естественно заключить, что я был художником».

Далее он пишет, что в тот день проклял свою судьбу: «Музы не любили меня. Я не был кудряв, не поражал пространством эфиром прекрасного вдохновения, и музы, едва коснувшись атласной рукой моих невыбранных щек, удалились в смутении. Время от времени я возвращал их насильно, однако, ослабев от постов, бессилён был удерживать пленниц занимательной и связной беседой. Идите с миром! Ступайте к натопленному камну, над которым висит портрет автора, любовно рассматривающего собственные черты. Действительно, музы так долго скитались по чердакам, что следовало простить их отращивание к запаху лука, их жажду комфорта...»

Он исколесил множество улиц, чтобы забыть о ночлеге, которого не было. Все соединилось против него. «Редакция возвратила рукопись, плод жертв бессонных трудов, с надписью: «Устарело. Напишите что-нибудь полегче, применив эротическую вибрацию». Другой журнал не заплатил денег,

ссылаясь на плохие дела. Мои остальные рукописи были в обратительном состоянии, благодаря чтению их редакторами во время завтрака, но у меня не было денег отдать их переписать...

Хозяин комнаты так надоел мне жалобами, сценами и угрозами, что я решил больше не возвращаться. Я не мог зайти ни к кому из своих знакомых без мысли, что на меня смотрят косо за мелкий долг. Бесплезно было убеждать кредиторов в своем блистательном будущем, так каждый из них думая о себе именно так, не верил другим».

От всей души он презирал околоточных дежурных. «Это была горластая, тупая богема, столь же невежественная, сколь и бездарная в массе своей, как не прикрывая ее пустоту танцами и визгом гризеток». Там не было для него угла, как и на других чужих лестницах.

Во втором отрывке («Спрут») тоже рассказывалось о поисках ночлега. Некий Трувиль «в силу обстоятельств, имеющих единственно материальное значение», был вынужден оставить гостиницу и ночевать у случайного знакомого с весьма развитыми «холостыми привычками». Неожиданно этот знакомый, ходкий по части «грешков», попросил оставить его на ночь в одиночестве. Но он дал Трувилю записку к владельцу квартиры где-то на окраине города.

Вечером, после дня, проведенного в редакции, Трувиль отправился к незнакомцу. На звонок некто с «бездарной внешностью» открыл дверь и взглядом пригласил войти. После обмена пустыми фразами Трувиль оказался в большой комнате. В огромной квартире жил только один этот некто. «Все было сдвинуто, не на месте, как бы поставлено случайно сюда. Комната... оказалась мне кладовой, так была она загружена предметами, узлами и мебелью. Тут не было намека на порядок или обитаемость, причем драный диван, стоящий косо ко всему и к стенам средихлама, указывал, что на нем-то мне и предстоит спать... Я сказал, что немедленно лягу и что мне нечего выразить, кроме признательности». Когда некто ушел, поскрипывая подошвами, Трувиль «сбросил пиджак, вытер с дивана пыль тряпкой, валявшейся на полу, и, подумав, запер дверь на ключ...». Продолжения не было, но в последних словах, видимо, таился ключ к дальнейшему.

Покойный Всеволод Александрович Рождественский говорил, что Трувиль — сам Грин, а рассказ связан с нашумевшей в свое время историей. Тогда (видимо, в 1918 году) петербургские газеты сообщили об аресте некоего портного, который принимал на ночлег незнакомых людей, затем убивал спящих и присваивал их ценности. Однажды, когда Грин получил гонорар, он ночевал у этого портного и лишь случайно избежал гибели.

Евг. ПЕТРЯЕВ.

Кировская правда
г. Киров

12 ИЮНЬ 1980